

I

Эта история Лекси Мэдисон, а не моя. Хотелось бы рассказать ее одну, не вдаваясь в свою собственную, но так не получится. Я думала, что своими руками соединила наши жизни — крепко сшила их, стежок за стежком, и как сшила, так вольна и распороть. А теперь уверена, что истоки лежали глубже, вне поля моего зрения, и зашло все слишком далеко, выскользнуло у меня из рук.

Эта часть истории — а именно моя роль в ней — все же принадлежит мне. В том, что случилось, Фрэнк винит остальных, в первую очередь Дэниэла, а Сэм, как ни странно, уверен, что все из-за Лекси. Стоит мне возразить, они косятся на меня с тревогой и спешат сменить тему — Фрэнк, похоже, вбил в голову, будто у меня какая-то диковинная разновидность стокгольмского синдрома. У внедренных агентов такое не редкость, но это не мой случай. Я не пытаюсь никого защитить — защищать уже никого. Лекси и компания никогда не узнают, что несут бремя вины, а если бы и узнали, то какая им разница. Но прошу меня строго не судить. Карты сдавала не я, но я взяла их со стола, разыграла все до последней, и у меня были на то причины.

Вот главное, что нужно знать об Александре Мэдисон: она никогда не существовала. Мы с Фрэнком Мэкки ее придумали много лет назад, погожим летним днем у него в пыльном кабинете на Харкорт-стрит. Фрэнк хотел внедрить агента в банду наркоторговцев, что орудовала в Дублинском университетском колледже, ну а мне нужна была эта работа — пожалуй, ни о чем другом в жизни я так не мечтала.

Фрэнк Мэкки был легендой: чуть за тридцать, а уже руководил спецоперациями, лучший агент за всю историю Ирландии — храбрый, безрассудный, работал как канатоходец без страховки. И в ячейки ИРА, и в бандитские притоны он заходил как в местный паб. У нас курсировала история: однажды Змей — профессиональный бандит, конченный отморозок, как-то раз покалечивший своего подручного за отказ выставить выпивку, — грозился Фрэнку руки изуродовать гвоздометом, а Фрэнк в глаза ему заглянул как ни в чем не бывало и давай зубы заговаривать, и под конец Змей его хлопнул по спине и подарил паленый “ролекс”, за моральный ущерб. С часами Фрэнк до сих пор не расстается.

Я была совсем зеленым новичком — всего год, как окончила Темплморский колледж. За два дня до того я в необъятном ядовито-желтом жилете патрулировала городишко в графстве Слайго, где все местные казались на одно лицо, и тут узнала, что Фрэнк ищет полицейских с высшим образованием, которые сошли бы за студентов. Как ни странно, встреча с Фрэнком меня не пугала, ничуть. Мечта о работе вытеснила все прочие чувства.

Дверь в кабинет была нараспашку; Фрэнк в джинсах и линялой синей футболке, устроившись на краешке стола, листал мое личное дело. Кабинет, тесный и весь какой-то неопрятный, больше смахивал на склад. На столе пусто, даже ни одной семейной фотографии, на полках — бумаги вперемешку с блюзовыми дисками и глянцевыми журналами, покерная колода карт и розовый женский жакет, совсем новый, с магазинными ярлыками. Хозяин кабинета мне, пожалуй, нравился.

— Кассандра Мэддокс? — Он поднял взгляд.

— Да, сэр, — отозвалась я.

Среднего роста, плотный, плечистый, каштановые волосы коротко острижены. Я-то его представляла безликим, неприметным человечком, почти невидимкой, вроде Курильщика из “Секретных материалов”, а он, оказывается, совсем не такой — синеглазый, с резкими, грубоватыми чертами, и от него будто искры сыплются. Не в моем вкусе, но женщинам наверняка нравится.

— Фрэнк. “Сэр” — это для крыс канцелярских. — Говор дублинский, чуть заметный, но все же будто напоказ. Он слез со стола, подал мне руку.

— Кэсси. — Я протянула свою.

Он жестом пригласил меня сесть, а сам снова запрыгнул на стол.

— Здесь написано, — он похлопал по папке с моим делом, — что вы стрессоустойчивы.

Я не сразу сообразила, к чему он клонит. Однажды на практике в труппах Корка я сумела утихомирить подростка-шизофреника, который грозился перерезать себе глотку дедовой опасной бритвой. Я про этот случай почти забыла — а оказалось, благодаря ему мне и предлагают сейчас работу.

— Надеюсь, — ответила я.

— Так сколько вам лет — двадцать семь?

— Двадцать шесть.

Свет из окна падал на меня, и Фрэнк вгляделся в мое лицо пристально, оценивающе.

— Сойдете за двадцатилетнюю. Здесь написано, вы три года в колледже отучились. Где?

— В Тринити. Психология.

Брови у него взлетели вверх, полуизумленно-полунасмешливо.

— Ого, специалист! А почему бросили?

— Неведомая науке аллергия на англо-ирландский акцент, — сказала я.

Шутку Фрэнк оценил.

— От Университетского колледжа Дублина волдырями не покроетесь?

— Запасусь антигистаминным.

Фрэнк спрыгнул со стола, подошел к окну, поманил меня.

— Хорошо. Видите вон ту парочку?

Парень с девушкой, идут по улице, разговаривают. Девушка достала ключи, и они зашли в унылую многоэтажку.

— Что скажете о них? — спросил Фрэнк. И встал спиной к окну, сунув за ремень большие пальцы и сверля меня взглядом.

— Студенты, — начала я, — у них сумки с книгами. Ходили за продуктами — пакеты из супермаркета. Она более обеспеченная — пиджак дорогой, а у него джинсы с заплаткой, и это не из пижонства.

— Кто они — пара? Друзья? Соседи?

— Пара. Дистанция ближе, чем у друзей, наклонялись друг к другу.

— Давно встречаются?

Мне это пришлось по душе — нравилось, как по-новому за работала мысль.

— Да, давно, — ответила я. Фрэнк вопросительно вскинул бровь, а я и сама не сразу поняла, как догадалась, но тут же до меня дошло. — Они разговаривали, не глядя друг на друга. В первую пору знакомства люди глаз друг с друга не сводят, а парам со стажем это не нужно.

— Живут вместе?

— Нет, иначе он тоже по привычке полез бы за ключами. Это ее квартира. Но живет не одна. Оба посмотрели на окно, раздвинуты ли занавески.

— Между собой у них гладко?

— Да. Она говорила, а он смеялся, хотя парни над шутками девушек смеются редко, разве что в самом начале знакомства. Он нес оба пакета с продуктами, она его пропустила вперед, придержала дверь: заботятся друг о друге.

Фрэнк кивнул:

— Отлично! Для агента шестое чувство — половина успеха, и я не про всякую сверхъестественную хрень. Я про наблюдательность и умение выделять главное, на автомате. Остальное — скорость и дерзость. Решил что-то сказать или сделать — действуй быстро, без колебаний. Чуть помедлишь, засомневаешься — тут тебе и крышка. В ближайшие год-два вы редко будете на связи. Родные у вас есть?

— Тетя с дядей.

— А парень?

— Есть.

— Вы с ними сможете выходить на связь, а они с вами — нет. Они не будут против?

— Придется им смириться, — сказала я.

Фрэнк полулежал на широком подоконнике, но, несмотря на ленивую позу, явно не расслабился — разглядывал меня в упор, синие глаза блестели.

— Это вам не колумбийский картель, дело придется иметь в основном с мелкими сошками — на первых порах точно, — но предупреждаю: работа опасная. Из этих людей половина вечно под кайфом, а другая половина шутить не любит, и тем и другим вас убить — как муху прихлопнуть. Ну как, страшно?

— Нет, — ответила я искренне. — Нисколько.

— Вот и славно, — одобрил Фрэнк. — Выпьем кофейку, и за дело.

Лишь спустя минуту до меня дошло: работа у меня в кармане. Я ожидала трехчасовой беседы, дурацких тестов с кляксами, вопросов о родителях, но у Фрэнка другие методы. До сих пор не знаю, что именно его склонило в мою пользу. Я долго ждала случая его спросить, что он во мне нашел, как понял, что я гожусь в агенты, — а теперь уже не уверена, хочу ли это знать.

Весь остаток дня мы пили пригоревший кофе с шоколадным печеньем из кафетерия и придумывали Александру Мэдисон. Имя я ей выбрала сама — так проще запомнить, объяснил Фрэнк. Мэдисон — похоже на мою фамилию, заставит обернуться, а Лекси — из детства, так назвала я когда-то свою выдуманную сестру. Фрэнк достал большой лист бумаги и начертил для наглядности график, отметив на нем основные события ее жизни.

— Родилась ты в больнице на Холс-стрит первого марта 1979-го. Отец, Шон Мэдисон, — дипломат невысокого ранга, служит в Канаде, так мы сможем тебя быстро вывести, если что, — дела семейные, уехала, и до свидания. Вдобавок ты все детство провела в разъездах, поэтому тебя здесь не знают. Ирландия — страна небольшая, здесь у всех общие знакомые еще со школы. Мы могли бы тебя сделать иностранкой, но не хочу, чтобы ты мучилась, изображая акцент. Мать — Кэролайн Келли Мэдисон. Работает?..

— Медсестрой.

— Осторожней, читай между строк. Медсестрам в каждой новой стране нужна лицензия. Диплом у нее есть, но работу она бросила, когда тебе было семь и вы уехали из Ирландии. А братья-сестры?..

— Пусть будут, — решила я. — Допустим, брат. — Меня захлестнуло пьянящее чувство, даже смех разобрал от этой невероятной, головокружительной свободы: люди, страны, судьбы — выбирай на вкус, хоть дворец в Бутане, семнадцать братьев и личного шофера в придачу! Я поскорей сунула в рот печенье — чего доброго, Фрэнк заметит мою улыбку и решит, что для меня это все игрушки.

— Как душа пожелает. Он тебя моложе на шесть лет, живет в Канаде с вашими родителями. Как его зовут?